

Прошлое России было удивительно, настоящее более чем великолепно, а будущее превзойдёт всё, что может себе представить воображение самое смелое: вот с какой точки зрения должно рассматривать и писать русскую историю.

*А. Х. Бенкендорф,
шеф корпуса жандармов
и начальник III отделения
Его Императорского Величества
канцелярии, генерал-адъютант*

Ничего у нас в стране не бывает реальнее и продолжительнее, чем нелепости, освящённые властью.

*Александр Нилин
«Стрельцов: Человек
без локтей»*

Король лакея своего
Назначит генералом,
Но он не может никого
Назначить честным малым.

*Роберт Бёрнс
(перевод С. Маршака)*

ДО ТОГО ДОСТАЛО

По понедельникам и четвергам я получаю «Новую газету», которую, как правило, с интересом читаю. Ничто не предвещало **события**, когда 8 июня 2006 года, я развернул свежий номер «Новой». А оно меня ждало. И как раз там, где меньше всего можно было это предполагать, — в небольшой поэтической подборке молодых поэтов.

Молодые поэты, в изобилии печатающиеся в периодике и сети, сейчас настолько плохи, что этот газетный лист я бы равнодушно перелистнул, если б не заголовок одного стихотворения «Шекспир. Сонет 66». Не прочесть сонета, который переводили крупные, даже великие русские мастера прошлого и позапрошлого веков, я просто не мог: это как узнать, что неизвестный тебе исполнитель играет знакомую до последней ноты мелодию, — послушаешь хотя бы из простого любопытства. Допустить, что некий Сергей Шабунский перевёл Шекспира выразительней Пастернака, мне, разумеется, и в голову не пришло. Точнее, Пастернак не переводил Шекспиров сонет, он писал по его мотивам. Но и Шабунский написал по мотивам сонета 66 Шекспира. Написал, как и Пастернак, 14 строчек оригинального стихотворения.

Так что же, Шабунский оказался выразительнее Пастернака? Я бы так вопрос не ставил. Для меня несомненно одно: стихотворение Сергея Шабунского — редчайший нынче случай настоящей поэзии. Его удивительная интонация передалась мне, зазвучала во мне. И я (чего со мной уже очень давно не было) заболел им. Вытвердил его наизусть и твержу, твержу про себя:

Когда ж я сдохну! До того достало,
Что бабки оседают у жлобов,

Что старики аскают по вокзалам,
Что «православный» значит «бей жидов».
Что побратались мент и бандюган,
Что колятся шестёрки в «шестисотых»,
Что в загс приходят по любви к деньгам,
Что лёг народ с восторгом под сексотов.
Что делают бестселлер из говна,
Что проходимец лепит монументы,
Что музыкант играет паханам,
Что учит жить быдлак интеллигента.
Другой бы сдох к пятнадцати годам —
А я вам пережить меня не дам.

Такое впечатление, что Сергей Шабуцкий подслушал мои чувства. Только вот озвучил их по-своему, на сленге своего поколения. Что, конечно, понятно: он ведь о своих, а не о моих ощущениях написал. У каждого своя жизнь. И у каждого поколения своя. И вот до того достало меня стихотворение Шабуцкого, что захотелось мне рассказать о своей жизни, отталкиваясь от каждой его строчки. Причём захотелось написать не только о прошлой моей жизни, не только о нынешней, но о сиюминутной — о том, что происходило со мной и вокруг меня прежде, теперь, сейчас. Начинаю эту рукопись 29 июня 2006 года. Заканчиваю (это я вернулся к началу, после того как поставил заключительную точку) 9 декабря 2006 года. Так что не удивляйтесь моим выпискам из прессы, ссылкам на журналистов, политиков, чиновников, общественных деятелей, церковных служителей, деятелей искусства и науки, полемике с теми, кто выступал в этот период времени по телевидению, радио, в сети. Чем жил, о том и написал — откомментировал каждую строчку стихотворения Сергея Шабуцкого на свой лад. Хочется надеяться, что поэт на меня за это не обидится.

ЧТО БАБКИ ОСЕДАЮТ У ЖЛОБОВ

«У, жлобина!» — говорили в моём детстве о том, кто никогда не даст тебе покататься на своём самокате и вообще ничем с тобой не поделится, сколько ты его не упрощай!

Помню покойную мою матушку, которая раз в неделю доставала откуда-то из груды белья в шкафу сшитый ею мешок (он затягивался резинкой-веревкой), развязывала его и сперва пересчитывала аккуратные пачки сотенных (при Сталине), десяток (при Хрущеве). Потом вскрывала пачку и считала ее: девять банкнот, безукоризненно скреплённых посередине идеально сложенной пополам десятой. Жили мы четвером (был ещё младший мой брат) бедно: отец на заводе получал 1200 рублей (120 — хрущевских), мать в детском саду — 500 (50 при Хрущеве). А, скажем, телевизор КВН-49 с экраном размера теперешнего маленького персонального компьютера стоил 1250 рублей. Да ещё сколько-то (не помню) стоила линза к нему. Тем не менее, похороны Сталина я смотрел уже по этому телевизору. Питались мы плохо, постельного белья в доме почти не было: мать экономила на всём. Не для того, чтобы купить телевизор или шубу. А потому, что не любила расставаться с деньгами. Так и вижу её склонившейся над своим мешком, куда непременно раз в месяц следовали добавления. А чтобы следовали, каждый вечер мать брала лист бумаги, записывала все ежедневные расходы и заставляла меня пересчитывать: выходить за пределы определённого матушкой лимита было делом совершенно невозможным. Вот и научился отец так резать колбасу, что, приложив её кусочек к глазам, можно было видеть предметы и сквозь него (отец этим страшно гордился). А масло на хлеб намазывали таким тонким слоем (только по утрам, на завтрак), что его и вовсе не было видно.

Помню, как вечно недоедающий мой маленький, растущий брат, когда не было дома обоих родителей, отрезал себе толстенный кусок серого хлеба, намазывал его маслом, посыпал сахарным серым песком и быстро съедал. Чтобы потом всё отрицать: ничего, дескать, я не ел — ну как Осип Хлестакову. Или как отец, любящий землю и соскучившийся по работе на ней, когда мы получили садовый участок под Нарой (он и сейчас у меня там), отбил у меня навсегда охоту работать на земле. Корчевать лес, который нам выделили, вдвоём с отцом, вдвоём же рыть метровые (в глубину, длину и ширину) ямы, чтобы сажать в непаханую целину яблони, сливы, вишни, было мне, четырнадцатилетнему подростку, не под силу. В конце концов, к величайшему неудовольствию отца я объявил ему, что огородом заниматься не буду: поливать ещё куда ни шло, но копать землю — нет!

А огурцы, которые выращивались до размера приличных кабачков и солились на зиму, оказываясь непригодными даже для винегрета? А клубника, которая поначалу усыпала крупными ягодами густые кусты, а потом сникла, поскольку требовала подкормки, которую получила не слишком щедро!

Бедная моя мама! Я рад, что она не дожила даже до павловской реформы: сознание бессмысленности самоограничения во всём ради накоплений сделало бы её жизнь сплошным мучением. «Для чего же вы так бедно жили?» — спросил старший брат отца, узнав о крупной сумме, оставшейся после матери.

Конечно, понять в какой-то степени мамину экономность (чтобы не сказать скупость) можно: приличный мужской костюм стоил больше месячной отцовской зарплаты, а приличные женские туфли — больше половины материнской. Но ведь не ради костюма или туфель мы жили бедно...

«Определяйте значение слов», — цитировал Пушкин Декарта. Мне эта цитата пришла в голову на днях, когда я увидел разгневанного Лужкова, выступающего перед жителями сносимых домиков в Южном Бутове. «Жлобства мы не допустим», — гневно говорил московский мэр о матери и взрослом её сыне, отказавшихся выселяться в однокомнатную квартиру. Причём тут жлобство? — удивился я. А потом понял, слушая выступления замов мэра о том, какая многокилометровая (кажется, 180 000 семей) очередь стоит в Москве с 1982 года на получение квартир. «И это при том, — возмущались

замы, — что в Москве строится столько-то (очень много!) миллионов квадратных метров жилья; из них социального (читай: плоховатого) столько-то (читай: намного меньше!) миллионов. Так какой же неблагодарностью надо обладать...» ...Чтобы отказаться, добавлю от себя, двум взрослым — матери и сыну — взять однокомнатную квартиру! И кто назвал их «жлобами»? Градоначальник, который запросто, как букет цветов, вручает ключи от элитной квартиры или от иномарки какому-нибудь чемпиону мира или победительнице конкурса «Мисс Чего-нибудь». Высший чиновник, при котором вся чиновничья братья берёт взятки с любого обывателя, даже с нищего гастарбайтера! Кто заговорил о «жлобстве»? Муж единственной в России миллиардерши.

Кстати, не потому ли она миллиардерша, что его жена? Ну, сами посудите. У неё крупная строительная фирма. Наряду с другими её фирма участвует в конкурсе за право выиграть тендер, на который мэрия выставила что-либо: ну, допустим, строительство элитного жилья. Каковы шансы у жены мэра выиграть этот тендер? Смешной, скажете, вопрос? А эта жена мэра ещё владела и производством пластмассовой мебели для кафе типа «быстро», которых в Москве уйма. Чью мебель закупили такие московские кафе? Вопрос, скажете, тоже смешной? Но ведь только так и становятся миллиардерами, расчищая для себя поле, убирая конкурентов.

(Ах, думали ли мы, когда теснили и вытеснили коммунистический режим, что ему на смену придёт не просто диктатура бюрократии, но бюрократии династической! Вот очень типичная нынче ситуация. Супруги-генералы. Он был министром радиопромышленности СССР, она и сейчас председательствует в Межгосударственном авиационном комитете СНГ. Их сын — А. П. Плешаков основал известную ныне авиакомпанию «Трансаэро». А через некоторое время, оставив за собой пост председателя её директоров, уступил своей жене О. А. Плешаковой должность председателя правления и генерального директора компании!)

Имея такую жену и занимая такой пост, зачем же обзывать «жлобами» тех, кто просто хотел бы жить по-человечески? Дайте им достойную компенсацию! И без них, говорите, очередников много? Но эти-то, наверное, первоочередники!

И, кстати, как это так получилось, что не рассосалась очередь при таком гигантском количестве новостроек? Вон только вокруг моего

дома в Филипповском переулке уже четыре построили. И ещё три начали. Красивые дома. Не скажу, чтобы уж очень добротные: с одного из них так и сыплется потрескавшаяся штукатурка. Но кто бы из очередников отказался туда въехать? Ах, это не для них построено? И напротив моего — длинный, огромный, выходящий фасадом на Гоголевский бульвар — тоже не для них? А для кого? Для тех, с кого можно слупить, как говорят по-нынешнему, приличные бабки: с губернаторов, с депутатов всех дум, законодательных собраний и советов трудящихся, с бизнесменов российских, с олигархов, с тусовочников-эстрадников? Но если вы строите для этих, то уж не петляйте в дебрях великого и могучего! Не оскорбляйте очередников. К тому же и Крылова неплохо освежить в памяти. Помните у него: «Чем кумушек считать, трудиться...»

А вот и свежая почта подоспела с разъяснениями: читаю в «Московском комсомольце» за сегодняшнее 3 июля 2006 года гневное обличение неких пятерых молодых пройдох, которые умудрились приобрести «у одной из жительниц сносимого пос. Бутово менее шести квадратных метров жилья» и получить в собственность кто по одной шестьдесят четвёртой части дома, кто по одной сто девяносто второй. А теперь обратились с просьбой о предоставлении им отдельных квартир. Причём обратились (цитирую) «именно сейчас, когда “бутовский конфликт” усилиями некоторых политиканов возведён в ранг народного бунта против московских властей». «Не подобные ли случаи, — спрашивает газета, — имел в виду мэр Москвы, когда говорил, что власти города не допустят жлобства?»

Не подобные! Для чего задавать бессмысленные вопросы? Какие-то прохиндеи купили, наверное, московскую прописку и теперь вылезли со своими требованиями на волне «народного бунта». Что ж у них общего со старожилami? И отвечают ли погорельцы за то, что после пожарных в их квартирах побывали мародёры?

А насчёт «некоторых политиканов» я, пожалуй, готов согласиться. Адвокат Андрей Кучерена, председатель комиссии общественного контроля за деятельностью правоохранительных органов Общественной палаты РФ, вряд ли пошёл бы с рогатиной на такую крупную политическую дичь, как наш московский мэр, если б не дали ему отмашку: можно! Ведь сама по себе Общественная палата, придуманная Кремлём, — муляж. Треть её состава назначена президентом, другая

треть выбрана этой президентской третью и, наконец, последняя треть — из провинции, то есть прошла через сито отбора губернаторами и местными депутатами. Она призвана создать впечатление, что гражданское общество в России не уничтожено, а напротив — функционирует и даже заставляет властные структуры с ним считаться. А чтобы создалось такое впечатление, передают Общественной палате дела беспроигрышные.

Вся страна содрогнулась, когда за гибель алтайского губернатора Михаила Евдокимова, чей водитель «Мерседеса» не просто мчался на огромной запредельной скорости, но выскочил на встречную полосу и врезался в не нарушившего никаких дорожных правил «Тойоту», ответственным назначили Олега Щербицкого — шофёра «Тойоты». И приговорили Щербицкого к лагерному сроку, вызвав массовое протестное движение. Обычно на него давно уже не обращают никакого внимания. А здесь, скорее всего, для того и пошли на явное нарушение всех юридических и человеческих норм, чтобы вмешался в дело Кучерена и внявшие ему судьи отменили несправедливый приговор.

Или история с челябинским курсантом танкового училища Андреем Сычёвым, искалеченным «дедами» — старослужащими-сержантами. Сычёву ампутировали ноги, нужна пересадка внутренних органов. То есть беспомощный инвалид подвешен между жизнью и смертью. «Наследили» в этом танковом училище до такой степени, что не одного генерала-начальника надо было снимать, а всё его руководство, к тому же по многим тамошним офицерам тюрьма плачет, не только по изуверам, издевавшимся над Сычёвым.

Семье несчастного пытались всучить взятки, о которых тут же была проинформирована общественность. Разъяснили ей, и за что хотели заплатить — чтобы забрал калека своё заявление об избитии, а судебная медицина представила бы дело так, что пострадал Сычёв от какой-то врождённой болезни.

И тут снова появился бесстрашный Кучерена, заставил продолжить следствие, предложил отправить Сычёва для лечения за границу (правда, этим предложением не воспользовались).

(Вот бы истребовать председателю комиссии общественного контроля за деятельностью правоохранительных органов положенное на полку судьями дело о наезде на старушку сына министра обороны Иванова. Тот, лихача, на скорости промчался по пешеходному переходу, сбил старушку и как ни в чём не бывало помчался дальше. Старушка

умерла. Родственники подали в суд, который чуть не засадил за решётку зятя покойной: тот якобы ударил сына министра. А того, разумеется, оправдали: старушка сама полезла под колёса! Но для чего бы Кучерена стал ссориться с могущественным министром!)

И за спинами жильцов Южного Бутова маячат враждующие властные группировки. Лужков — фигура очень сложная. С одной стороны, я не забираю назад ничего из того, что сказал о нём до сих пор. А с другой, признаю, что объективно он сделал для москвичей (особенно для стариков) немало хорошего, демонстрирует свою относительную независимость от Кремля, иной раз и неподдельное возмущение глупостью принимаемых у нас законов. Кто-то наверху решил, очевидно, воспользоваться в своих целях справедливым мятежом жителей Южного Бутова — убрать неудобного, сморозившего очередную глупость мэра. Для того и востребован бесстрашный Кучерена.

Стал писать было дальше, но пришлось вернуться — принесли новый «Московский комсомолец», 4 июля: «Какими бы мотивами ни прикрывались защитники бутовчан, добиться они могут только одного: замедления строительства нового микрорайона, предназначенного, в том числе, для очередников». Умиляет эта проговорка: «в том числе» — понимай, что даже там, на окраине Москвы, каждый сверчок должен знать свой шесток! А я-то про Филипповский толковал, про арбатский переулок! Да в центре Москвы домов, наверное, на два Бутова понастроено. Пройдите, убедитесь, поговорите с охранниками, есть ли среди их жильцов «в том числе»?

(Коротка народная память! Забыли, как ещё при Горбачёве на съезде народных депутатов разгорелись страсти вокруг дома для партийных начальников на Сивцевом Вражке (тоже арбатский переулок). «Ничего особенного, — утверждали из управления ЦК, — дом как дом, обычный, каких много!» А когда добились-таки очередники, чтобы дом отдали им, вошли в квартиры и ахнули: всё вырвано с мясом, содрано, растоптано, разбито — и импортная сантехника, и цветной паркет, и финские рамы. Вот как разъярился аппарат на тех, кто «в том числе», кто, стало быть, вселяется не по чину! Сейчас, правда, и сама по себе победа обычных обывателей над вельможничью чиновничьей братьёй выглядит легендарной!)

«В этой связи, — гнёт своё газета, — особенно неприглядно и цинично выглядят причитания некоторых из них (правозащитников. —

Г. К.) по поводу того, что семье бутовчан — женщине с взрослым сыном — московские власти в качестве компенсации за 13 кв. метров в частном доме предложили “всего лишь” 39-метровую однокомнатную квартиру в современной новостройке. Могли бы и знать, что тысячи семей в Москве и миллионы по всей России десятилетиями ютятся в гораздо худших условиях и только мечтают о нормальном жилье».

Господи, да не хотят они отдавать свои 13 за ваши 39, ну и оставьте их в покое! Тем более что 13 — это, наверное, комната, а 39 — наверняка общая площадь, где жилой, может, метров на пять-семь побольше. Ну не хотят мать с сыном переезжать в однокомнатную городскую квартиру! Может, делянка какая-нибудь есть у них рядом с домом, участок, огородик. Так что невыгодно им менять 13 на 18 или 20, теряя при этом землю, которую привыкли обрабатывать. А что до того, что великое множество семей живут ещё хуже, чем эта, то кто же об этом не знает? Вот бы и озаботиться газете: почему же такое знание не подвигло московских чиновников на строительство жилья в первую очередь для семей, ютящихся в ужасных условиях? Почему массовое строительство в Москве сделало город самым дорогим по жилью в мире, почти не оставляя надежды очередникам жить по-человечески?

Впрочем, озаботилась другая связанная с московской мэрией газета — «Метро». Напечатала в своём номере от 6 июля 2006 года письмо в редакцию. Ах, как сладостно-знакомы по недавнему прошлому такие письма! И такие подписи вроде этой: *семья Деминых*.

«Наша семья стоит в очереди на квартиру со времён Советского Союза, с 1989 года. Ещё в то время, когда мы только оформлялись, появилось радостное известие о том, что в территорию Москвы включают новый район Бутово, где мы очень скоро получим квартиры. После более чем 15-летнего ожидания мы получили надежду с началом освоения территорий Северное и Южное Бутово. Но не тут-то было.

Оказалось, что приступить к строительству наших домов невозможно из-за того, что некоторые жители посёлка Бутово не желают освобождать землю, которая им даже не принадлежит! Подобное поведение нас, конечно, возмущает, поскольку тысячи семей остаются без положенного им по закону жилья только из-за того, что кто-то хочет урвать побольше из городской казны».

Письмо содержит ещё два абзаца. Но, как говорится, умному достаточно.

Обмельчала, что и говорить, журналистская братия! Или погупело её начальство? У нас в «Литературке» такая туфта из отдела бы не вышла, не то чтоб на страницу: кто бы её туда пустил?

Помню, вызывает меня Кривицкий, заместитель главного редактора. «Геннадий, — говорит, — нужны письма в поддержку присуждения Исаеву ленинской премии. Набросайте три. Одно от имени студента, другое — от рабочего, а третье — вообще из какого-нибудь сибирского региона, подписанное несколькими читателями». Знал, конечно, Евгений Алексеевич, что были у нас в отделе подлинные письма о поэме Егора Исаева «Даль памяти», недоумевающие, возмущающиеся: за что выдвинули эту малограмотную поэму на ленинскую премию? Я сам их Кривицкому показывал. Усмехался в ответ Евгений Алексеевич: вот, дескать, показать бы их Егору, но не вздумайте, Геннадий, не надо! Знал Кривицкий, да и я знал, да и кто из окололитературной публики не знал, что продвигает Исаева сам Михаил Васильевич Зимянин, секретарь ЦК по идеологии. Егорушкой его называет, глазки сладко прикрывает, слушая исаевское чтение.

Три письма накануне созыва Комитета по премиям — такой заказ не оставляет сомнений: премию, стало быть, дают! «Дают! — подтверждает Кривицкий. — Действуйте!»

И что делать? — писали мы письма и за студента, и за рабочих, и за сибиряков, и за кого только не писали! Но уши всегда запрятывали, поддельвались под правдоподобие.

А тут они не то что торчат — вылезли наружу! 15 лет ждём, надемся и не ропщем, помним, что нам было обещано, но понимаем, входим в положение страны, города... Как пели в оны годы: «Была бы только Родина богатой и счастливою, а мы-то...» А мы, семья Деминых, больше всего озабочены не тем, что столько лет в нечеловеческих условиях живём, а тем, что «кто-то хочет урвать побольше из городской казны».

Месяца полтора назад одного очень старого (ему за 90) и очень известного профессора — кто только на филологическом не слушал его лекций — стали выселять из дома на Пречистенке. Негодный, говорят, дом, будем реконструировать. Если речь не о косметическом ремонте (а с чиновников станется!), то это значит: стены дореволю-

ционные, скорее всего, оставят и нарастят на них новое жильё — элитное, конечно, которое, пока построят, аж дух захватывает, сколько будет стоить! «А вы, — сказали профессору, — подберите себе что-либо и нам сообщите». Профессор согласился переехать поближе к работе, к МГУ. Нашёл примерно такую же по площади квартиру на улице Строителей. «И отлично, — ему говорят, — покупайте: вот вам деньги за вашу квартиру». Но деньги выдают небольшие, совсем не такие, за какие продают новостройки в центре. «Мы, — объясняют, — действуем по новому Жилищному кодексу. Даём компенсацию за утраченное жильё по рыночной стоимости: дому сто лет, всё прогнило, ничего не ремонтировалось. А земля под домом вам не принадлежит: за неё не платим». Но в той квартире, которая приглянулась профессору, недавно был ремонт. Так что и требуют за неё соответственно. К полученной профессором за старую квартиру сумме нужно добавить ни много ни мало — 50 000 долларов. «Ну и что, — говорят, — доплачивайте и въезжайте». Но откуда профессору взять эти 50 000 долларов или около полутора миллионов рублей? Его месячная зарплата от силы 12 000 рублей. Взятки он отродясь не брал. Вышла недавно его книга лекций — объёмная, но гонорар и на 25 000 рублей не потянул. «Ваши проблемы, — ему говорят, — вы их и решайте, а на Пречистенке вам оставаться никак нельзя!»

Прав дедушка Крылов: «Не лучше ль на себя, кума, оборотиться». Жлобство — это не просто твоя личная скупость, твоя гомерическая жадность. Такое явление давно уже исследовано Гоголем и названо по его герою «плюшкинианством». Жлобство — это когда твоя непомерная жадность наносит урон обществу, которому ты мешаешь развиваться, загоняешь в стагнацию. Когда личной прибыли ради ты не даёшь осуществиться необходимым для страны и её жителей делам, проектам, преобразованиям. Так что в толковании подобного понятия Лужков прав. Но **кого** он в этом обвинил?

* * *

Вот уж кто не был жлобом, так это покойный мой приятель Симон Соловейчик. Я о нём рассказывал в своей мемуарной книжке «Стёжки-дорожки». Сима даже рисовался своей щедростью. Мог, как вспоминает известный журналист, дать в долг и не настаивать на его

отдаче. Когда появилась его газета «Первое сентября», он наделил нас, главных редакторов её предметных приложений, правом покупать материал у авторов, — как это было прежде в дооктябрьской России: вам нравится статья, ну и купите её сразу, а напечатаете, когда сможете. Многие удивились такой невыносимой прежде практике: прибежали со статьями: «Подходит? И что? Могу получить деньги?» Сима посмеивался. И платил щедро. Всем — и сотрудникам, и авторам.

Правда, через некоторое время оплачивать принятые к печати статьи пришлось прекратить: выяснилось, что этим мы нарушаем какие-то законы. Что ж, Симон Львович подчинился: нельзя так нельзя. Но платили мы за статьи по-прежнему больше, чем другие издания.

Первое время я совмещал своё редакторство с работой в «Литгазете». «Сколько за этот материал ты платишь в “Литературке”? — спрашивал Сима. — А знают ли там, сколько за такой же ты платишь в “Литературе”?». И удовлетворённо хмыкал, услышав, что не только знают, но поражены: «Вот так-то!»

Поначалу владельцем «Первого сентября» был университет РАО (Российской академии образования) во главе со своим ректором академиком РАО Борисом Бим-Бадом. Но вот фонд Сороса («Культурная инициатива») выделил газете щедрый грант на развитие. Поскольку своего счёта у нас не было, деньги перевели университету.

На эти деньги Бим-Бад поехал в Южную Америку. Не знаю, для каких целей, но знаю, что он обещал Симе не просто отдать этот долг, а с процентами.

Увы. Денег он отдать не смог. Но человеком оказался порядочным: компенсировал потери передачей Соловейчику всего пакета акций. Плюс к этому отдал нам развалюху на Маросейке, которую арендовал, с оплаченной, кажется, ещё на какое-то время арендой.

Не знаю, каким образом выпутывался из такой ситуации Сима. Знаю только, что далось ему это тяжело. Мы остановились и не выпускали свои приложения несколько месяцев. Но зарплату при этом получали неизменно. «Работайте, — говорил всем Симон Львович, — собирайте и отбирайте материалы. Мы обязательно найдём выход. Мы будем выпускать газеты даже из подполья!»

И через некоторое время издание возобновилось! Уже как наше собственное. Как изделие фирмы Соловейчика. Боже, с каким трепетным восторгом относился он к этому своему изделию. Как он его

любил! «Ты мог себе представить раньше, — спрашивал он, — что у тебя будет своя собственная газета, что ты будешь в ней печататься сколько хочешь и печатать кого хочешь? Мне, еврею, такое и в сладком сне не снилось!» Мне, разумеется, тоже.

И я создавал её, свою газету, так сказать, от логотипа до последней страницы, на которой печатал кроссворд и «Литературный календарь». Надо отдать должное составителям Сергею Дмитренко и его жене Ларисе Мезенцевой: их календарь информировал читателей не только о датах рождения или смерти. Но и о том, что такого-то числа (допустим) Толстой записал в своём дневнике такую фразу, а такого-то (к примеру) Достоевский пишет жене о том-то. Календарь привёл Симу в восторг. «Отдай его мне», — просил он. Но Мезенцева соглашалась на это только при условии, если Соловейчик зачислит её в штат «Первого сентября». Подчиняться чужим требованиям Симон Львович не любил, и невероятно популярный у наших читателей календарь остался у нас.

Все рубрики, которые я придумал, нацеливали читателей на занимательность, на отход от шаблона. «Перечитаем заново» — только **новое** прочтение хрестоматийного текста. «Пантеон», «Галерея» — **живо** написанные биографии писателей, **оригинальное** толкование их персонажей. Даже «Словарь» был у нас необычным: литературоведческие термины подавались в нём в игре, выводились из конкретных текстов. Да и некоторые термины, которые мы объясняли, вы больше нигде, кроме нашей газеты, не встретите. Например, «литературный донос».

Я мыслил свою газету как некий гибрид «Литературки» с «Вопросами литературы». Пригласил сотрудничать в ней тех, кто снискал себе известность на ниве занимательного литературоведения: Э. Бабаева, Ст. Расадина, Б. Сарнова, Л. Лазарева, В. Корнилова, К. Ваншенкина, Я. Хелемского, Т. Бек, М. Петровского, Ю. Манна, С. Бочарова. Печатались в ней популярные у читателей литературы Лев Аннинский и Игорь Золотусский. Связался с Ефимом Эткиндром, с которым был знаком до его высылки за границу, и получил от него карт-бланш: перепечатывать из книг, изъятых после его отъезда из библиотек. Поначалу наладились отношения с Самуилом Шварцбандом из Иерусалима, неплохим пушкинистом. Постоянно печатал статьи о русской литературе Золтана Хайнади из Дебрецена, известного

далеко за пределами его Венгрии учёного. Удалось установить связь и с Ильёй Серманом, которого советские власти выслали из страны, скрыв от общественности ту огромную роль, которую он сыграл в издании тридцатитомного Достоевского. Чуть позже сотрудник редакции Сергей Дмитренко сделал нашим постоянным автором своего старшего товарища — прославленного немца-слависта Вольфганга Казака.

Словом, как с удовольствием говорил на планёрках редакторов приложений Соловейчик, «в нашей “Литературе” все лучшие на сегодняшний день авторы».

Но, разумеется, я понимал, что выпускаю всё-таки школьную газету, которая должна информировать учителей о новациях в мире образования, как информирует «Литературная газета» читателей о новостях в мире литературы. Должны мы давать читателям и какую-то методику преподавания, которая прежде меня не интересовала.

Школьным учителем я никогда не был. Лет пять совмещал работу в «Литературке» с преподаванием в Литинституте, а спустя совсем небольшое время, после того как стал редактором «Литературы», начал профессорствовать в Педуниверситете (бывшем Пединституте им. Ленина). Но, конечно, школьная проблематика и проблемы высшей школы — вещи разные.

Соловейчик дал мне две ставки школьных консультантов и предложил на одну из них взять Льва Соломоновича Айзermana. «Он очень писуч, — сказал Сима, — так что тебе придётся в этом его ограничивать». Я помнил некоторые статьи Айзermana, печатавшиеся и у нас, в «Литературке», и в «Новом мире» Твардовского. В них он неизменно предстал публицистом горячего темперамента. О том, как мы работали с Айзermanом (не слишком долго, года полтора), я рассказал в «Стёжках-дорожках». Добавить к этому мне нечего.

А на вторую ставку я позвал человека редкостного дара, сочетающего в себе литературоведческий талант с талантом учителя. Что Лев Иосифович Соболев хороший литературовед, я знал по его работам. А что он один из лучших учителей Москвы — по той же «Литературной газете», чьи сотрудники стремились отдать своих детей именно в его школу, именно в его класс, и чьи дети, выходя из класса Соболева, оставались навсегда преданными литературе. На моё счастье Лев Иосифович, с которым до этого мы лично знакомы не были, согласился.

Ему я многим обязан. И авторами-учителями. И его собственными безукоризненными материалами. Он — та воплощённая порядочность, которой так не хватает великому множеству людей из тех, с кем мне приходилось сталкиваться: не помню, чтобы он хоть раз искал повод, чтоб отказать от моих просьб, или захотел бы его поискать, как это делали другие сотрудники, намного младше его, — он всегда отзывался, брался за дело и доводил его до конца!

Словом, совместными нашими усилиями мы быстро создали газету, популярную у словесников-учителей, чему Соловейчик поначалу искренне радовался.

Он даже сделал моей «Литературе» щедрый рекламный подарок: перепечатал из неё у себя в «Первом сентября» исключительно интересную статью о «Войне и мире».

Статью эту мне дал почитать поэт Константин Ваншенкин. Её написала его внучка — десятиклассница Катя. Прочитав, я загорелся желанием её опубликовать: феерически талантливая, не по годам умная девочка!

Но в статье полтора печатных листа. Материалы такого объёма уместны скорее на журнальных страницах. А у меня ведь даже не полноценная газета, а предметное приложение. И всё же в нарушение всех канонов я решил рискнуть печатать Катю с продолжением в двух номерах: авось, Сима не рассердится!

Он не только не рассердился, но позвонил сразу же. И долго, проникновенно говорил о статье и о Кате: «Но откуда, откуда такие знания у десятиклассницы? Ты проверял? Это всё абсолютно самостоятельно?»

— Абсолютно! — отвечал я ему. И ссылался на Эдуарда Бабаева, которому излагал концепцию Кати и который тоже ею восхитился. А Бабаев о Толстом знал всё. В том числе и все новейшие о нём работы.

Так и получилось, что мы с Симоном Львовичем совместно отпраздновали рождение нового таланта. Напечатанная в двух номерах у нас, статья Кати Ваншенкиной заняла ещё и целую газетную полосу «Первого сентября».

Как соскучились учителя литературы по живому слову, я понял, когда оказался на какой-то встрече с ними. Все хвалили газету, противопоставляли ей новые, только что появившиеся учебники. «Новое в них, — говорили они, — только обращение к запрещённым прежде